

НОРМАННЫ И ТЮРКИ-СЕЛЬДЖУКИ НА ПОЛЕ БОЯ

NORMANS AND SELJUK TURKS ON THE BATTLEFIELD

© 2020 **Виталий Владимирович Прудников**

кандидат исторических наук, научный сотрудник
Института востоковедения РАН, Москва; gviskar@mail.ru;
ORCID ID: 0000-0002-0355-2324

Vitaly V. Prudnikov

PhD (History), Research Fellow, Institute of Oriental Studies,
RAS, Moscow; gviskar@mail.ru;
ORCID ID: 0000-0002-0355-2324

В статье рассматриваются социокультурный аспект военного противостояния норманнских рыцарей и тюрок-сельджуков на полях сражений. Территориально эти битвы происходили не только на Ближнем Востоке в регионах Малой Азии, Сирии и Палестины, но и в Европейской части континента: на Балканах. Во временном промежутке затрагиваются непосредственно предшествовавшие Первому крестовому походу события, с последующим переходом к рассмотрению перипетий самого похода и его последствий. Основное внимание уделено восприятию латинскими, византийскими и мусульманскими авторами противостоящих друг другу образов норманнов и тюрок-сельджуков на поле боя. Основную задачу автор видит в выявлении характерных черт противоборствующих

сторон, которые нашли отражение в исторической традиции.

Ключевые слова: Норманны, тюрки-сельджуки, Первый крестовый поход, Малая Азия, Сирия, Палестина

Для цитирования: Прудников В. В. Норманны и тюрки-сельджуки на поле боя. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2020. № 3–4. С. 139–158. DOI: 10.18254/S268684310012464-8

This article examines the socio-cultural aspect of the military confrontation between the Norman knights and the Seljuk Turks on the battlefields. Territorially, those battles took place not only in the Middle East in the regions of Asia Minor, Syria and Palestine, but also in the European part of the continent — in the Balkans. In the time interval,

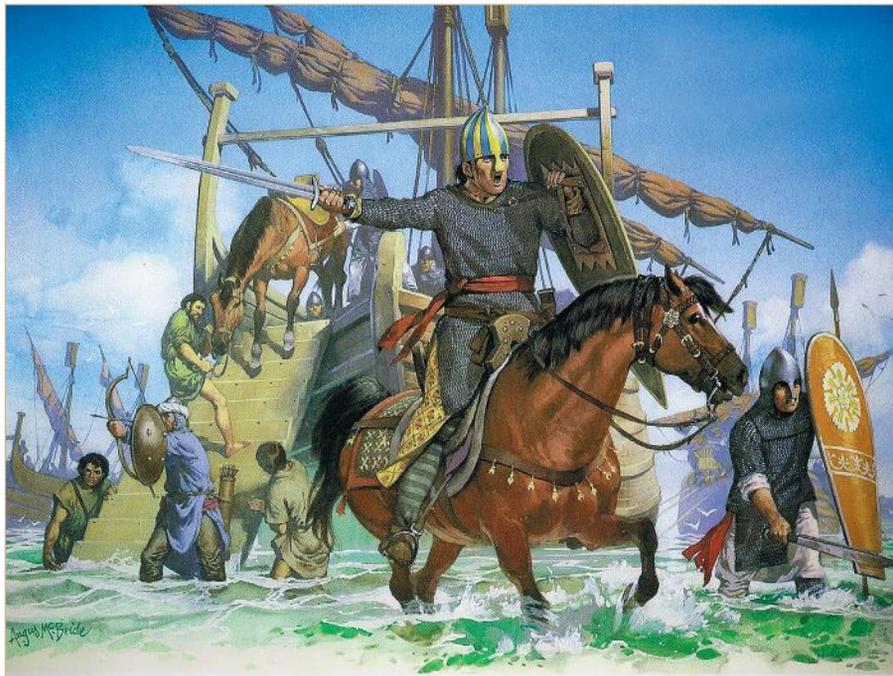
the events immediately preceding the First Crusade are touched upon, followed by a transition to considering the vicissitudes of the campaign itself and its consequences. The main attention is paid to the perception by Latin, Byzantine and Muslim authors of the opposing images of Normans and Seljuk Turks on the battlefield. The author of the article sees his main task in identifying the

characteristic features of the opposing sides, which are reflected in the historical tradition.

Key words: Normans, Seljuk Turks, First Crusade, Asia Minor, Syria, Palestine

For citation: Vitaly V. Prudnikov Normans and Seljuk Turks on the Battlefield. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2020. No. 3–4. Pp. 139–158. DOI: 10.18254/S268684310012464-8

Илл. 1.
Высадка
норманнов
на Сицилию
По: Angus
McBride
© Osprey
Publishing

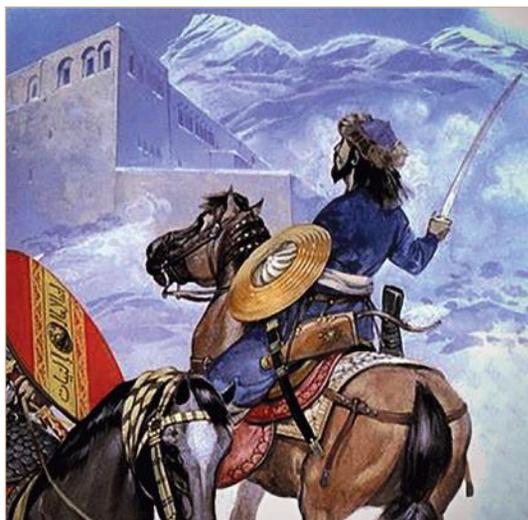

Профессор университета Прованса М. Баливе нашел немало сходных черт в политико-религиозной и военной экспансии норманнов и сельджуков в Восточном Средиземноморье. В частности, он считает, что норманнскую и сельджукскую конницу объединяла страсть к метательному оружию: копьям и стрелам¹, а также применение маневра ложного отступления, который могли осуществить только дисциплинированные конные войска [Balivet, 1998, p. 320].

Современному историку нелегко вообразить, как происходили сражения тысячу лет назад, что

представляли собой тактика и вооружение норманнских рыцарей или сельджукских конных лучников. В данном случае археологические данные крайне скудны, а нарративные источники полны противоречий и зачастую имеют мало общего с исторической реальностью. В результате исследователи нередко оказываются в плену стереотипов. Автор видит задачу в выявлении подобных стереотипов, связанных с вооружением и тактикой норманнов и турок сельджуков в Малой Азии, с последующим критическим их осмыслением.

1 Как это наглядно демонстрирует вышивка ковра из Байё (Илл. 5), норманнские рыцари использовали копье не только для таранного удара, но и в качестве метательного оружия — дротика.

Илл. 2. Сельджукский конный лучник. По: Angus McBride
© Osprey Publishing

Норманны и сельджуки на территории Византии

В XI в. орды кочевников — огузов и туркоменов — устремились завоевывать Малую Азию, принадлежавшую Византии. Их усилия координировали и направляли султаны из династии великих Сельджуков (1037–1157 гг.), поэтому кочевников-завоевателей принято называть сельджуками. Результатом завоеваний сельджуков стало образование государства на огромной территории от Средиземного моря до Китая. Победа над византийцами при Манцикерте в 1071 г. дала сельджукам возможность прочно утвердиться в Малой Азии и основать первые государства с тюркскими династиями. В то же время на западных границах Византийской империи появились завоеватели другого рода, происходившие из провинции Нормандия. Норманны были крайне немногочисленны, но в течение нескольких десятилетий XI в. они отвоевали у византийцев Южную Италию, у арабов — Сицилию и попытались захватить византийские владения на Балканах (Илл. 1).

С середины XI в. норманнские контингенты появляются на службе у византийских императоров, и местом их преимущественного расселения и деятельности является Малая Азия. Норманнские предводители «франкских таг-

мат» отличались склонностью к мятежу и стремлением к созданию собственных независимых княжеств. Удачно сложились обстоятельства для образования норманнского государства в Северной Сирии во время Первого крестового похода. Антиохийское княжество, созданное южноиталийскими норманнами, оказалось самым жизнеспособным из всех государств, основанных крестоносцами на Востоке. Очевидно, что достигнутые к концу XI в. успехи в немалой степени были следствием не только высокого военного искусства двух различных народов — норманнов и тюрок-сельджуков, но и применения некоторых тактических приемов, умений и навыков, которые давали преимущество в глазах современников.

В качестве примера приведем обмен посольствами между султаном Маликшахом и Караханидским правителем Шамс ал-Мульком, когда последний прислал великому Сельджукиду палицу и меч со зловещим описанием силы применения этого оружия в руках Караханидов. В ответ Маликшах показал перед свидетелями блестящее искусство владения палицей, мечом и луком, а затем отправил ал-Мульку оружие сельджуков — лук, который тот, по словам хрониста **Садр ад-Дина**, не смог даже натянуть [Садр ад-Дин, 1980, с. 67]. Таким образом, искусное владение оружием рассматривалось средневековыми авторами не

только как символ превосходства одного народа над другими, но и как отличительный признак того или иного племени (Илл. 2).

В какой степени стереотипы восприятия норманнской и сельджукской конницы современниками соответствовали реалиям XI–XII вв. мы попытаемся выяснить на широком круге источников, представленных византийскими, латинскими и мусульманскими авторами. Византийцы считали норманнов образцом для подражания в военном искусстве верховой езды и владения копьем, а ношение копья — отличительным признаком норманнских всадников в противоположность варягов с острова Фулы, «вооруженных секирами» [Анна Комнина, 1996, с. 109]. Михаил Пселл, 1978, с. 145], или варягов, «носящих мечи на плечах» [Анна Комнина, 1996, с. 109].

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ АВТОРЫ О НОРМАННАХ И СЕЛЬДЖУКАХ

Для византийской принцессы **Анны Комниной** норманнские и сельджукские конники представлялись самыми страшными бедами империи в период правления ее отца Алексея I (1081–1118 гг.), образно описанный в «Алексиаде»: «пришел в движение и показал острие своего копья кельт², натянул тетиву лука исмаилит³, на тысячах колесниц ринулись на нас все кочевые и скифские племена» [Анна Комнина, 1996, с. 391].

Именно сочинению Анны мы обязаны лучшим сравнительным описаниям тактики и вооружения как норманнской, так и сельджукской конницы. «Боевой порядок турок строится не так, как у других народов, не как у Гомера “щит

со щитом, шишак с шишаком, человек с человеком”, а правый, левый фланги и центр турецкого строя расположены на определенном расстоянии друг от друга, и фаланги стоят как бы разорвано. Если враг нападает на правый или левый фланг, на него обрушивается центр и часть строя, расположенная за ним, и они, как ураган, сметают противника. Что же касается вооружения, то турки, не в пример кельтам, мало пользуются копьями, а стараются окружить врага со всех сторон и обстрелять его из луков; защищаться турки предпочитают издали. Когда турок преследует, он захватывает свою жертву при помощи лука; когда его преследуют самого, одолевает врага при помощи стрел; турок мечет стрелу, и стрела на своем лету поражает коня или всадника; пущенная сильной рукой, она пронзает тело насквозь. Вот какие искусные лучники турки» [Анна Комнина, 1996, с. 406].

В другом месте Анна описывает стычку византийцев с норманнской конницей Боэмунда: «император щедро снабжал воинов стрелами и приказывал не жалеть их, но метать не в кельтов, а в их коней. Ведь император знал, что из-за своих панцирей и кольчуг кельты почти неуязвимы, а попусту расходовать стрелы Алексей считал совершенно бессмысленным. Кельтские доспехи представляют собой железную кольчугу, сплетенную из вдетых друг в друга колец, и железный панцирь из такого хорошего железа, что оно отражает стрелы и надежно защищает тело воина. Кроме того, защитой кельту служит щит — не круглый, а продолговатый, широкий сверху, а внизу заканчивающийся острием; с внутренней стороны он слегка изогнут, а внешняя его поверхность гладкая, бле-

- 2 Византийские авторы называли норманнов «франками», «кельтами», «латинянами». Под «латинянином» византийцы подразумевали человека с Запада вообще [Прудников, 2020]. Под термином «франк» они имели в виду человека, пришедшего из «Франкии». Термин «кельт» означал для византийца то же, что и «франк», с той лишь разницей, что он был частью античной традиции, оказывавшей сильное влияние на восприятие византийцев, использовавших названия уже давно не существовавших племен эпохи Римской империи в отношении народов, занимавших территорию расселения древних народов.
- 3 По замечанию Н. Я. Любарского «Под исмаилитами часто имеются в виду вообще мусульмане, и в том числе турки» [Анна Комнина, 1996, прим. 964, с. 557]. Термин «скифы» кажется еще менее определенным, т. к. «на античный манер писательница часто называет всех кочевников скифами» [Анна Комнина, 1996, с. 22]. В данном случае, судя по контексту, Анна говорит скорее всего не о мусульманах вообще, а о мусульманах-кочевниках, т. е. тюрках-сельджуках.

стящая, со сверкающим медным выступом. Стрела, безразлично какая — скифская, персидская или даже пущенная рукой гиганта, отскакивает от этого щита и возвращается назад к пославшему ее. Поэтому-то, думается мне, император, знакомый с кельтским вооружением и стрельбой наших лучников, и приказал им, пренебрегая людьми, поражать коней и “окрылять” их стрелами, чтобы заставить кельтов спешиться и таким образом сделать их легкоуязвимыми. Ведь на коне кельт неодолим и способен пробить даже вавилонскую стену; сойдя же с коня, он становится игрушкой в руках любого» [Анна Комнина, 1996, с. 357].

Анна высказывает ‘ту мысль неоднократно, всякий раз, когда пишет о столкновениях византийцев с норманнами под руководством Алексея I, который, по мнению дочери, был автором передовой тактики борьбы с конницей «кельтов»: «ведь любой кельт, пока он сидит на коне, страшен своим натиском и видом, но стоит ему сойти с коня, как из-за большого щита и длинных шпор он становится неспособным к передвижению, беспомощным и теряет боевой пыл» [Анна Комнина, 1996, с.168–169].

Византийский военачальник **Никифор Вриенний** с военной точностью описал одно из первых сражений норманнов во главе с Русселем де Баллиодем и сельджуков эмира Артуха, произошедшее в 1074 г. в районе реки Сакарья. Зная о многочисленности неприятеля, в качестве места сражения Руссель избрал ровную и узкую долину у подножия горы Софон. Артух начал обстреливать стрелами с окрестных высот и, разделив войско на три части, попытался окружить норманнов. Отряд Русселя терял лошадей, пока норманны не «решились наконец выйти против неприятелей, чтобы поразить их быстрым натиском конницы». Никифор констатирует, что в результате этой стремительной атаки погибло много врагов, но сами норманны

попали в окружение и большей частью были взяты в плен [Никифор Вриенний, 1997, с. 90–92]. Процитированный рассказ вполне можно было бы назвать классическим при описании сражений с участием норманнов и сельджуков. В соответствии с традиционной тюркской тактикой, Артух стремится измотать противника стрельбой из луков и окружить. Руссель группирует силы в заранее выбранном месте и под обстрелом ожидает момента для решительной конной атаки. И хотя численный перевес был не на стороне Русселя, он явно надеялся на победу.

МОЖНО ЛИ ВЕРИТЬ ВИЗАНТИЙЦАМ?

В какой степени можно доверять византийским авторам при описании вооружения и тактики норманнов и сельджуков [Микульский, 2020]? Очевидно, что эти описания полны стереотипов, ведь в соответствии с античной традицией византийцы называют норманнов «кельтами», а тюрок «скифами», в то же время их нельзя упрекнуть в невнимательном отношении к врагам империи, которых они знали очень хорошо.

Сельджукские конные лучники вызывали шок и восхищение у латинских авторов первого крестового похода. Аноним говорит, что турки пытались устроить норманнов грозой своих стрел, как до этого им удалось устроить «арабов, сарацин, армян, сирийцев и греков» [*Histoire anonyme*, 1924, р. 50]⁴. По мнению Петра Тудебода турки «очень свирепы и носят за плечами колчаны полные отравленных стрел» [Tudebod, 1866, pp. 27–28]⁵. **Гвиберт Ножанский** пишет, что сельджукская конница «удивительно легко уклонялась от наших атак и ударов: в особенности полной неожиданностью была их способность пускать стрелы во время отступления» [*Guiberti abbate monasterii...* 1869, р. 162]⁶.

4 “Qui putabant terrere gentem Francorum minis suarum sagittarum, sicut terruerunt Arabes, Saracenos, et Hermenios, Suranios et Grecos”.

5 “Sunt namque ferocissimi, humeris et sagittas et pharetras toxicatis refertas portantes”.

6 “Nostris enim inexperta erat tanta eorum in equitando agilitas, in evitandis nostrorum incursibus vel ictibus mira pernicitas: praesertim quum non soleant ipsas emittere nisi fugaciter pugnando sagittas”.

Фульхерий Шартрский описывает сельджуков в битве при Дорилее как лучников: «ибо в их обычае было использовать это оружие. Все они были всадниками»⁷, которые обрушили на крестоносцев «дождь из стрел» [*Fulcheri Carnotensis...* 1913, р. 193, 194]⁸. В битве под Антиохией турки под ударом тяжелой кавалерии крестоносцев «по своему обычаю бросились врассыпную и стали метать стрелы» [*Fulcheri Carnotensis...* 1913, р. 255–256]⁹. В другом месте Фульхерий пишет, что «турки же лучники по обычаю нас с тыла обходившие и дождем стрел поражавшие, уже луки опустили и обнажили мечи» [*Fulcheri Carnotensis...* 1913, р. 498]¹⁰ или «турки обрушили такую тучу стрел, что у христиан не осталась целой ни одна из частей тела» [*Fulcheri Carnotensis...* 1913, р. 790]¹¹.

Наиболее подробно и красочно описал атаку сельджукской кавалерии при Дорилее латинский хронист XII в. Вильгельм Тирский. «Отряды турок, тотчас же ринувшись на наше войско, выпустили такое огромное количество стрел, что казалось это град, падающий с неба; едва первая туча упала, описав дугу, как за ней последовала другая, не менее густая; и те, кто остались невредимыми сначала, были сражены мгновение спустя. Эта манера боя была полностью не знакома нашим воинам; они не могли его вести на равных, ибо не имели к нему никакой привычки и видели, как их лошади, оставшиеся без защиты, падают; сами же они, неожиданно получившие смертельные раны, которых невозможно было избежать, попытались отогнать врага, бросившись на него и разя мечом и копьем. Однако те в свою очередь неспособные противостоять подобному натиску, не замедлили ускользнуть, чтобы уйти от первого удара, и наши воины, не найдя никого перед собой, обманутые в своих

ожиданиях, были вынуждены вернуться к своему войску. Тогда как они удалялись, не достигнув успеха в своих намерениях, турки вновь стремительно соединились и начали метать свои стрелы, обрушивавшиеся на наши ряды подобно ливню, не оставляли никого без губительной раны. Наши люди как могли противостояли, защищенные своими шлемами» (цит. по: [Перну, 2001, с. 139]).

Вильгельм говорит о значительных потерях в войске крестоносцев, даже среди хорошо экипированных рыцарей, вследствие столкновения с сельджуками [*Guillaumus Tyrensus...* 1855, р. 288]. Вслед за этим Вильгельм описывает, как сельджуки собирались перейти к последней стадии сражения: «повесив луки на плечи, не нуждаясь более в их услугах, приступили с мечами в рукопашную» [*Guillaumus Tyrensus...* 1855, р. 288]¹².

Лук как дальнобойное оружие

При рассмотрении приведенных отрывков становится ясно, что латинские авторы при создании своих произведений зачастую следовали не реальности, а вымыслам. Трудно поверить Петру Тудебоду, говорящему о тюрках, будто они носили на плечах или за плечами «колчаны, полные отравленных стрел», а также сообщению Вильгельма Тирского о сельджуках «повесивших луки на плечи».

Английский исследователь Р. Смайл, полный доверия к авторитету архиепископа Вильгельма Тирского, признает этот способ ношения лука и стрел за «традиционный тюркский обычай» (“a normal Turkish custom”). [Smaile, 1995, р. 82]. Другой английский ученый Д. Николь видит в этом необычном поведении сельджуков указание на то, что в данном случае речь идет о тяже-

7 “...sagittariorum. mos enim eorum est talibus uti armis. equites erant omnes”.

8 “...pluviam sagittarum vehementer emittentes”.

9 “...sparsim, ut mos eorum est, prosilire et sagittas coeperunt jacere”.

10 “Turci autem ex more sagittarii nos retro gyrantes et sagittarum pluvia plagantes, iam arcuum officia dimiserant, iam vaginis enses traxerant”.

11 “tantus tamen nimbus sagittarum ingruerat a Turcis, ut nulla pars corporis ab ictu et vulnere tuta esset Christianis”.

12 “arcu ab humeris dependente, et ejus neglecto officio, gladiis instant cominus”.

ловооруженных воинах «гулямах, а не о кочевых тюрках» [Николле, МакБрайд, 2004, pp. 29–30]. Вероятнее всего, что в подобных случаях создатели хроник следовали не реальности, а античной традиции, ведь подобным образом носили луки и колчаны герои поэмы Вергилия «Энеида» (см: [Vergili Maronis Opera, 1895, p. 90]: “*humeris de more habilem suspenderit arcum*” и [Vergili Maronis Opera, 1895, p. 271]: “*Gorytique leves humeris et letifer arcus*”). Поэт и его произведение о странствиях Энея были необычайно популярны в средневековой Европе. Аноним, Петр Тудебод, Гвиберт Ножанский и даже Вильгельм Тирский искренне считали тюрок потомками троянцев. Поэтому кажется очевидным, что в представлении латинских авторов тюрки при Дорилее вели себя «как троянцы».

Наиболее интересные отчеты о столкновении норманнской и сельджукской конницы в Малой Азии и Сирии можно найти у норманнского автора **Рауля Канского**, хотя и не бывшего очевидцем многих описываемых им событий, тем не менее, бывавшего на Востоке после 1107 г. и имевшего возможность получать информацию из первых рук: от Боэмунда и Танкреда. Рауль дает более сложное и подробное описание битвы при Дорилее, в котором присутствует как традиционное для латинских авторов описание тактики сельджуков, так и оригинальные сравнительные характеристики различных видов вооружения. В одном месте он говорит, как отряд конных тюркских «стрелков» (“*spiculatores*”) обошел

тяжеловооруженных западноевропейских всадников и напал на многочисленную, но плохо вооруженную толпу крестоносцев, которых сначала обстреляли из луков, а затем стали истреблять мечами [Radulfus, 1844–1891, p. 510]¹³.

Рауль считает, что сельджуки воспринимали происходящее при Дорилее не как битву с врагами, а как наказание «осужденных за тяжкие преступления»¹⁴, поэтому они отложили луки и «отважно» схватились за мечи¹⁵, в то время как норманны «потрясали копьями»¹⁶. Рауль говорит, что в этом противостоянии «наконечники копий оказали огромную услугу»¹⁷ норманнам, в то время как меч показался ему менее эффективным оружием. «Что против этого меч? Я считаю, что мечом можно убить ближнего и пощадить дальнего, проткнуть в рукопашном бою и угрожать издали. Если в нескольких словах сказать о его свойствах, то длина меча определяет его возможности. На расстоянии обнаженным мечом можно только угрожать, но поразить невозможно» [Radulfus, 1844–1891, p. 511]¹⁸.

Вслед за этим Рауль рассказывает, как сельджуки отступили и начали обстреливать норманнов. «Но когда они снова взяли за луки, полет великого множества стрел не пощадил тех, кого пощадил мечи, и поразил того, кого не поразил меч. Где мечи не продвинулись, проникли стрелы. Что до этого момента представляло собой тяжелое бремя: кольчуга, щит и шлем, теперь определяло границу между жизнью и смертью» [Radulfus, 1844–1891, p. 511]¹⁹.

13 “*Turba itaque illa equites nostros praetervolans, ad plebeculam transilit, numero tamen maximam, sed viribus imbecillam. Hi palantes praefestinantis militiae vestigia legebant, muros periculis opposuisse putantes, cum subito irruunt primo sagittis, mox ensibus saevientes*”.

14 “*Quibus quidem jam non putabatur haec pugna, sed poena: nec adversus hostes confligendum, sed tanquam de capitalium rerum condemnatis, ultio secunda*”.

15 “*Irruunt itaque primi arcubus projectis, audacius strictis mucronibus saevituri*”.

16 “*Fit fragor; hi lanceas vibrant, illi gladios*”.

17 “*Adeo cuspis fraxinea largae prodiga opis*”.

18 “*Quid contra haec mucro? Mucro, inquam, cujus est proximum caedere, remotis parcere; immergi cominus, minari eminus; utque paucis ejus facultatem includam, cujus licentiae pares habet terminos longitudo, evaginatus minari poterat, laedere non poterat vel emissus*”.

19 “*Sed resumptis arcubus, grando volans quibus enses pepercerant, non parcit; quos non attigerant, perfodit; ubi nec ascenderant, descendit. Hactenus ergo sarcina tantum gravis, loricae, scuta et galeae: nunc gratissimus obex, vitae mortisque fines disternat*”.

Рауль повествует, как отряд Танкреда попал в засаду, устроенную тюрками под Артахом: они располагали преимуществом внезапности и знания местности, а также преобладали по количеству: на каждое латинское копьё приходилось по десять и более тюркских луков [Radulfus, 1844–1891, p. 525]²⁰. «При первом столкновении копьё действовало энергично, пробивало и выбивало. Но вскоре от подобной нагрузки утомилось настолько, что было неспособно пробивать как щиты, так и броню на груди и животе. И потому что у одной лошади ослабла подпруга седла, у другого был срезан наконечник копья, или турок мечом разрубил копьё пополам, то можно было подумать, что этот потрясающий дротиком человек — скорее вооруженный дубинкой пехотинец, чем рыцарь с копьём. В то же время более скромный лук наносит гораздо большее количество ран. Лук стреляет всегда и часто становится причиной ранений. Лучника почти невозможно достать и он начинает страдать от ран в самый последний момент сражения. Лук полезен как с близкого расстояния, так и с дальнего, при наступлении и при отходе. Даже когда с помощью лука нельзя добиться желаемого успеха, он редко становится причиной разочарования владельца [Radulfus, 1844–1891, p. 525]²¹.

ГАЛОПОМ С КОПЬЁМ НАПЕРЕВЕС

Даже поверхностное знакомство с византийскими и латинскими источниками позволяет утверждать наличие связи между искусным владением оружием и **принадлежностью к определенному этносу**. Но является ли в таком случае упоминание определенного оружия и его использования в исторических хрониках только символом или для этого были вполне реальные основания, на кото-

рые могли бы опираться идеи о военно-тактическом превосходстве над противником?

Д. Николь считает, что в Западной Европе этого времени наиболее значительное развитие получило взятое наперевес копьё, зажатое между согнутой в локте рукой и туловищем, при котором всадник вкладывал в удар поступательный момент движения на коне. По его мнению, именно норманны стали проводниками этого нового тактического приема в районе Средиземноморья. Ряд важнейших побед норманнов в Южной Италии, Балканах и Сирии были одержаны именно благодаря такому способу применения копья [Nicolle, McBride, 1987, p. 6–7]. Парадоксально, но лучшее описание этой манеры боя норманнских рыцарей дал арабский писатель и полководец **Усама ибн Мункыз** (с детства неоднократно принимавший участие в отражении набегов норманнов Антиохии на земли Шейзара): «Я считаю, что всякий, кому случится биться копьями, должен прижимать руку с копьём и локоть к своему боку, предоставив коню делать то, что он захочет, во время удара. Ведь если он пошевелит рукой с копьём или вытянет ее, удар не оставит следа и даже царапины» [Усама ибн Мункыз, 1958, с. 91–92].

В специальной работе, посвященной этой новой манере боя, известный исследователь средневекового рыцарства Ж. Флори на основе западных и восточных источников заключил, что начало применения рыцарской конницей копья наперевес датируется примерно серединой XI в., а местом появления этой техники конного боя явилась Нормандия, откуда норманны принесли ее в Испанию, Южную Италию, Сицилию и Анатолию [Flori, 1988, p. 238–239]. Во время Первого крестового похода новый метод атаки галопом стал хорошо известен византийцам,

20 “Caeterum hostis sagittifer plurimo sui numero plurimum immanis, nostro viso latebras spernit, occurrit palam, pudet latuisse, qui hastas singulas denis et supra arcubus oppugnabat. Congrediuntur itaque Turci Latinis, incolae peregrinis, gnari locorum, hominumque locorumque ignaris”.

21 “Primo in congressu lancea viget, lancea perfodit, lancea dejicit: quae mox tanto sub onere fatiscens, ut penetrare peltas, pectora, clavengos nequit integra: quoniam hanc clittellae dissilientes extenuant; illam cuspidis truncata decurtat, aliam Turcus ensis dimidiat, ut hastitenens putetur potius venisse armatus sude pedes, quam lancea miles: at frugalior longe arcus vulnerumque ditior, semper mittit, crebro laedit, nunquam mittitur, sero laeditur: cominus, eminus, ante, retro fervidus; etiam cum ab intentione propria fallitur, casu saepe ministro, non permittitur falli”.

Илл. 3. Турецкий лук. Музей дворца Топкапы, Стамбул. Фото © автора

тюркам-сельджукам и арабам на Ближнем Востоке, где, в частности, его и мог изучить и перенять Усама ибн Мункыз [Flogi, 1988, p. 240].

В военном деле Грузии подобное применение копья доминировало со второй половины XI в. до Нового времени [Tsurtsunia, 2014, p. 85], чему в немалой степени поспособствовали норманнские наемники в Малой Азии [Tsurtsunia, 2014, p. 87]. Эта тактика была не только весьма эффективна, но и очень эффектно выглядела. По мнению Дж. Биркенмейера, «именно гибкость, в сочетании с шокирующей мощностью, делала войско норманнов чрезвычайно эффективной наступательной силой» [Birkenmeier, 2002, pp. 354–355]. Д. Дуглас считает, что «...на Востоке, к первой четверти XII в. норманнский тип атаки и “прославился” и внушал страх. Считали, что эта атака почти “неотразима”, а ее эффект был таков, как “если бы в стенах Вавилона проделали дыру”. Поэтому неудивительно, что в Первом крестовом походе тактика турок сводилась в основном к уменьшению этой труднопреодолимой атаки...»²². Дуглас продолжает, что конные атаки норманнов разрабатывались «с расчетом на массовый шок врага» Вместе с тем Дуглас специально оговаривает, что большинство побед норманнов были следствием тактических действий конни-

цы против пехоты [Дуглас, 2003, с. 117–119]. При встрече же с более подвижным противником, например, с легкой конницей сельджуков или с дисциплинированной и хорошо обученной пехотой подобная манера боя оказывалась менее эффективной [Nicolle, McBride, 1987, p. 7]. Победы при Гастингсе (1066 г.) и при Диррахии (1081 г.) были одержаны во многом благодаря применению не только рыцарской конницы, но пехоты: пеших копейщиков и лучников [Bennett, 2006, p. 178].

КОМПОЗИЦИЯ ДЛЯ ТЮРКСКОГО ЛУКА

Известно, что тюрки-сельджуки отдавали предпочтение луку и благодаря использованию конных лучников выиграли немало сражений, в том числе битву при Манцикерте²³. К сожалению, современной исторической науке неизвестно, что представлял собой сельджукский лук. С большой долей вероятности можно предположить, что по своим характеристикам он принципиально не отличался от собратьев, распространенных на огромных просторах Евразии и на протяжении тысячелетий являвшихся основным оружием кочевников. **Композитный лук** (Илл. 3), состоящий из дерева, рогов, костей и жил, представлял собой идеальное сочетание

²² Арабский историк Каланиси называет конную атаку франков не иначе как «знаменитой».

²³ Ammatucci G. Storia dell'Arceria Islamica: i Trattati. *Arcosofia*, n. 2, Suplemento di n. 3 di Arco, 2005. URL: http://www.arcosofia.net/database/N2/storia_amatuccio1.htm (дата обращения: 29.11.2013).

веса, размера и силы выстрела, и давал возможность поражать цель на значительном расстоянии [Nicolle, McBride, 1990, p. 12]²⁴.

На создание одного лука уходило от одного до двух лет, а материалы для его изготовления зависели от климата и региона применения этого оружия. Как правило, на создание среднеазиатского типа композитного лука шли бараний рог и ахиллесовы сухожилия животных [Nicolle, 1994, p. 46]. Р. А. Гусейнов отмечает, что для производства сельджукского лука применялись осина и рог козла, а на тетиве имелось специальное кольцо для ее оттягивания [Гусейнов, 1967, с. 140].

Тюркский конный лучник был способен на полном скаку прицельно поражать врага на расстоянии 35 м, выпуская **пять стрел за две с половиной секунды** [Nicolle, 1994, p. 11]. Луки и стрелы помещались в специальные футляры или колчаны, носившиеся на поясном ремне. В колчан помещалось до 90 стрел из тростника и березы с железными наконечниками. Стрелы отличались огромным разнообразием в зависимости от цели применения. «Имелись трехперые, двойные и двурогие стрелы, а также особые, пробивавшие щит и панцирь» [Гусейнов, 1967, с. 140]. Важной особенностью тюркских стрел была способность воспроизводить во время полета различные звуки: во время охоты это были, как правило, нейтральные звуки, призванные не испугнуть жертву. Зато во время войны применялись стрелы, издававшие истошный «вой», наводивший ужас на противников, в особенности осажденных.

В 1964 г. византинист У. Каэги впервые выдвинул тезис о том, что искусное владение сельджуков луком и стрелами стало важнейшим военным фактором, позволившим им в сочетании с политической, экономической и социальной слабостью Византии в XI в. стать господствующей силой в Малой Азии [Kaegi, 1964, p. 108]. Ч. Боулс категорически не согласен с мнением Каэги: он попытался доказать, что «огневая мощь и мобильность» турок-сельджуков не давали им

решительного преимущества на полях сражений Анатолии. Боулс отмечает ряд существенных недостатков тактики и вооружения кочевников: зависимость от климатических и экологических условий, необходимость находиться в опасной близости от противника. Главный вывод Боулса состоит в том, что при столкновении с тяжелой конницей, поддерживаемой другими родами войск, у конных лучников не было ни малейшего шанса победить, кроме как заманить противника в засаду или ловушку [Bowlus, 1996, p. 159–166].

СКОЛЬКО ВЕСИТ ТЯЖЕЛАЯ КОННИЦА?

С другой стороны, нельзя отрицать наличие в войсках сельджуков тяжелой конницы. По мнению Гусейнова, тяжелая конница была заимствована ими у византийцев или крестоносцев; «страдала малоподвижностью и не получила у сельджуков большого распространения, так как имела ограниченную зону действия и не могла достаточно быстро исполнять маневр» [Гусейнов, 1967, с. 136; 140]. Однако данное утверждение вызывает определенные сомнения: в этот период тяжелая конница была более, чем когда-либо, жизнеспособна в государствах Ближнего Востока [France, 2000, p. 55]. Она радикально отличалась от западноевропейской наличием конных лучников, но при этом гулямы тюркских правителей, практически не уступали западноевропейским рыцарям как тяжеловооруженные воины [France, 2000, p. 54]. Какой бы эффективной ни была бы тактика сельджукских лучников на расстоянии, исход сражения решался в следующей за атакой рукопашной схватке [Smaile, 1995, p. 83]. Так, Вильгельм Тирский говорит о значительных потерях в войске крестоносцев, даже среди хорошо экипированных рыцарей, описывая, как после атаки конных лучников сельджуки собирались перейти к последней стадии сражения: «повесив луки на плечи, не нуждаясь в их услугах, приступили с мечами в рукопашную» [Guillaumus Tyrenus, p. 288].

24 Патерсон определяет дальность стрельбы из туркоманского лука 260 м: [Paterson, 1966, p. 82–83].

В. М. Запорожец считает, что тяжелая конница «появлялась» в войсках сельджуков в случае необходимости нанесения решительного удара. Так, в сражении при Манцикерте в 1071 г. Ал(ь)п Арслан разделил войско на две части: «Одна часть была спрятана в засаде, другая, которой командовал лично Альп Арслан, сменила луки и стрелы на копья, мечи и булавы, надела кольчуги, латы и шлемы и стала, таким образом, отрядом тяжелой кавалерии. Для того чтобы в бою отличать своих от противника, хвосты у всех лошадей были завязаны узлом. Этот отряд тяжелой сельджукской кавалерии внезапно атаковал правый фланг византийцев и смял его» [Запорожец, 2011, с. 126].

В то же время, по мнению историка, тяжелая кавалерия сельджуков не могла конкурировать с крестоносцами ни по количеству, ни по качеству вооружения. «Общая численность крестоносцев точно не известна. По разным оценкам их было от 300 до 600 тысяч человек. Из этого числа 100 тысяч составляла тяжелая кавалерия. Тяжелой рыцарская кавалерия называлась в силу нескольких причин. Во-первых, в стальные доспехи были облачены всадники, во-вторых, стальными латами были защищены кони. И, наконец, в-третьих, боевые кони были животными особой породы, они были крупнее и сильнее обычных лошадей. Тяжелая кавалерия крестоносцев была практически неуязвима для сельджуков, основным вооружением которых были легкие луки и стрелы». Поэтому победа крестоносцев при Дорилее (ныне Эскишехир) была закономерным результатом применения рыцарской конницы [Запорожец, 2011, с. 181; 183].

Благодаря своей «быстрой приспособляемости к меняющейся обстановке и особенностям вооружения» противника сельджуки смогли преодолеть превосходство рыцарской конницы. «Во время второго крестового похода сельджуки обратили в недостаток то, что ранее давало европейским рыцарям преимущество над туркменами — тяжелое защитное вооружение». В то

же время сельджуки переняли тяжелое защитное вооружение у крестоносцев и успешно использовали его в битве при Яссычимене [Запорожец, 2011, с. 242–243] (Илл. 4). Таким образом, Запорожец выдвинул две взаимоисключающие концепции о формах существования тяжелой кавалерии у сельджуков, требующие дополнительных разъяснений. Бесспорными можно признать только выводы автора о значительном влиянии тяжелой кавалерии на исход судьбоносных сражений при Манцикерте и Дорилее, однако ценность добытых подобным путем сведений едва ли можно признать значительной.

Таким образом, исследователи не дают четкого ответа, в какой момент и при каких обстоятельствах у сельджуков появляется тяжелая кавалерия, как она выглядела и каково было ее назначение. Б. Н. Заходер считает, что так как сельджуки не были внешними завоевателями, подобно монголам, они действовали изнутри при поддержке господствующего сословия на подвластных территориях. Если вначале реальная военная сила состояла из туркмен, то вскоре в нее добавились «привычные мусульманскому миру X–XI вв. войсковые соединения» [Заходер, 1940, с. 5]. Вероятно, данный род войск комплектовался не из кочевников, а состоял из класса военных рабов – гулямов. В первую очередь Сельджукиды нуждались в поддержке этих многочисленных элитных подразделений против своих кочевых единоплеменников, а точнее против беспорядков и анархии, вносимой кочевниками, в налаженный быт завоеванных провинций Ближнего и Среднего Востока [Sourdel, Bosworth, Inalcik, 1991, p. 1083; Хазанов, 2002, с. 411–412]. В целях сохранения мира и спокойствия сельджукские султаны стремились отправлять своих подданных-кочевников «на границы государства, для набегов и борьбы с христианскими государствами» [Хазанов, 2002, с. 412]. Подобная политика стала одной из причин образования «республик гази»²⁵ в Малой Азии:

25 Гази — вольные борцы за веру, отправлявшиеся на войну с неверными и пользовавшиеся определенными привилегиями среди мусульманских владык за рвение в священной войне. Республика в данном случае означает скорее «общее дело», чем форму правления.

Илл. 4 (a, b). Миниатюры XIII в., иллюстрирующие роман Айюки «Варка и Гюльшах» (XI в.)
 Всадник справа на Илл. 4a держит копьё наперевес, а часть доспеха, покрывающая голову и шею,
 напоминает норманнский хауберк. Из личного архива автора

Румского султаната, эмирата Данышмендидов и т. д., питательной основой которых были кочевые орды туркоманов и огузов.

Где гуляют агуляне, и кто такие гулямы

По всей видимости, именно тяжеловооруженную конницу гулямов под именем «Agulani» упоминает анонимный автор, участник Первого крестового похода, итало-норманнский ры-

царь²⁶: «И Агуляне были числом три тысячи, которые не боялись ни копья, ни стрел и никакого другого оружия, поскольку все они и их лошади были со всех сторон покрыты железом. Они не желали идти в бой ни с каким иным оружием, как только с мечами» [*Histoire anonyme...* 1924, p. 258]²⁷. Д. Николь полагает, что подобный тип вооружения тяжелой конницы был наиболее характерен для населения Северо-западного Ирана в доисламскую эпоху. Развитие подобного

26 См.: [*Histoire anonyme...* 1924, p. 48] при Дориле и [*Histoire anonyme...* 1924, p. 112] под Антиохией.

27 “Et Agulani fuerunt numero tria milia; qui neque lanceas neque sagittas neque ulla arma timebant, quia omnes erant undique cooperti ferro et equi eorum, ipsique nolebant in bellum ferre arma nisi solummodo gladios”.

рода войск было обусловлено в первую очередь угрозой вторжения конных лучников тюрк-сельджуков [Nicolle, 1982, p. 375].

По мнению Дж. Франса, под агулянами следует понимать тяжеловооруженную конницу, которой в эту эпоху располагали и Багдадский и Каирский халифаты. Однако из статьи Франса со всей очевидностью следует, что под термином «агуляне» норманнский хронист понимал не всадников, но персидских тяжелых лошадей, то есть животных, ни в чем не уступавших лошадям крестоносцев [France, 1996, pp. 166–167]. Вслед за Франсом к подобному выводу приходят и другие исследователи [Vandeburie, 2010, pp. 74; 84].

В «Песне об Антиохии» содержится подробное описание народа **Agolant**, упоминающегося среди войск эмира Корбарана (Кербоги): «Эти последние были сильным и гордым народом; полные свирепой решимости победить, они не носили никакого оружия, кроме острых мечей, и были со всех сторон покрыты железом. Позвольте рассказать нечто забавное про их лошадей. Они не желали нести всадника, вооруженного копьем, щитом или с поднятым знаменем и делали все возможное, чтобы этого избежать» [The Chanson D'Antioche, 2013, p. 257]. Очевидно, что создатели «Песни об Антиохии» неверно перевели или, скорее, творчески переработали этот отрывок, взятый из латинской хроники Первого крестового похода. Этот отрывок напоминает приведенный у Роберта Монаха в «Иерусалимской истории» (1116–1122 гг.): «Там было три тысячи агулян, у которых не было оружия, даже мечей. Они были покрыты со всех сторон железом и не боялись вражеского оружия. Их лошади совершенно отказывались нести седока со знаменем и копьем, и приходили в бешенство от того, кто действовал подобным образом» [Robert the Monk's History... 2005, p. 150].

Издатель сочинения Роберта Монаха К. Свитенхам считает, что данный отрывок появился в его «Иерусалимской истории» вследствие оши-

бочного перевода Робертом на старофранцузский язык латинского текста Анонима [Robert the Monk's History... 2005, p. 26]. По его мнению, «Иерусалимская история» была первой хроникой Крестового похода, переведенной на старофранцузский язык. Именно эта хроника послужила источником для создания «шансон де жест»²⁸, в частности, для «Песни об Антиохии» [Robert the Monk's History... 2005, pp. vii–viii]. Соавтор и коллега Свитенхама по изданию «Песни об Антиохии» С. Эджингтон считает, что «шансон де жест» послужила источником для создания некоторых хроник Первого крестового похода и, в частности, «Иерусалимской истории» [The Chanson D'Antioche, 2013, p. 3]. По ее мнению, в «Песне об Антиохии» косвенно упоминаются агуляне. Когда по зову эмира Корбарана явились некие «очень храбрые» воины, у которых «на теле белыми были только глаза и зубы, каждый из них был вооружен мечом с острым, как бритва, лезвием из отливающей зеленым стали. Эти клинки были настолько хороши, что Бог не смог бы создать им подобного оружия, ибо они могли любого разрубить пополам» [The Chanson D'Antioche, 2013, p. 228].

В военных операциях гулямы обычно были задействованы как отдельное подразделение, либо как составная часть обычных войск. В бою гулямы занимали ключевую позицию в центре и применялись в качестве ударной силы там, где не справились регулярные части. Как отмечалась выше, Сельджукиды нуждались в поддержке этих немногочисленных элитных подразделений против своих кочевых единоплеменников, а точнее — против беспорядков и анархии, вносимой кочевниками, в налаженный быт завоеванных провинций Ближнего и Среднего Востока.

Очевидно, что особое восхищение у хронистов Первого крестового похода вызвал тюркский конный лучник. Вероятно, появление некоего особого подразделения в битвах при Дорилее и Антиохии также не могло остаться

28 Жанр средневековой литературы (буквально — «рассказ о деяниях», «поэма о подвигах»), песен, исполнявшихся трубадурами в замках и на рынках. «Песнь об Антиохии» — всего лишь одна из цикла песен о крестоносцах, входивших в циклы песен о подвигах рыцарей различных эпох.

незамеченным в стане крестоносцев. Очевидно, эти воины не получили возможности показать себя достойно в сражении против тяжелооруженной рыцарской конницы, так как, в соответствии с их описанием, они были лучше сражались против легкой кавалерии конных лучников.

Очевидно, что тяжелооруженная конница гулямов была бы незаменима для решающего удара в Манцикертском сражении или в битве при Дорилее. Но тем не менее уникальность и драматизм данной ситуации состоит в том, что основная роль в завоевании Малой Азии принадлежала именно легковооруженной коннице кочевников [France, 2000, p. 55].

Как бы то ни было, применение противоборствующими сторонами различных видов вооружений и войск не может противоречить утверждению, что в Анатолии основу обеих армий составляла конница, с той разницей, что первоначально сельджуки использовали легкую кавалерию кочевников [Гусейнов, 1967, с. 136], а норманны в качестве ударной силы отдавали предпочтение тяжелооруженным конным воинам — рыцарям (*milites*).

Возможно, данные предпочтения в оружии и его применении были обусловлены не только причинами этнокультурного характера, но и социальной принадлежностью. Когда и почему норманнские рыцари стали презрительно относиться к любому другому виду боя, кроме как на коне с копьем или на мечях? Дать развернутый ответ на вопрос в рамках данной работы не представляется возможным, но этот стереотип

был очень жизненным на протяжении XII столетия в Западной Европе и на Востоке [Hatto, 1940, pp. 43; 47].

В то же время, в XI в. встречаются свидетельства об использовании норманнами конных лучников в битве при Гастингсе в 1066 г. Уникальный памятник средневекового искусства ковер из Байё (*Илл. 5*) представляет собой льняное полотно длиной около 70 м и шириной около 50 см, на котором цветными шерстяными нитями вышиты сцены, повествующие о событиях норманнского завоевания Англии. Всего ковер содержит пятьдесят сцен с латинскими надписями. Предположительно гобелен был создан в Англии около 1070 г. по заказу брата Вильгельма Завоевателя прелата Нормандской церкви эрла Кента Одо. Среди загадок и тайн гобелена чрезвычайно интригует изображение конного лучника.

Николь и Граветт, считают, что норманны придавали большое значение использованию лучников, да и сам Вильгельм Завоеватель имел репутацию прославленного стрелка из лука [Nicolle, Gravett, 2006, p. 24]. Среди возможных объяснений присутствия фигуры конного лучника на ковре из Байё исследователи допускают: ошибку вышивальщика; возможное, но маловероятное, применение норманнами конных лучников или профессиональных лучников пехотинцев, передвигающихся на лошадях. Норманнские лучники по своим навыкам, дисциплинированности, умению вести обстрел по площадям очень походили на византийцев и тюрок-сельджуков. Исследова-

Илл. 5 (а, b, c). Ковер из Байё (а), деталь с изображением конного лучника (b) и прорисовка (с)

Илл. 6. Группа франкских всадников из миниатюры «Золотой Псалтири» IX в.

тели допускают, что некоторые «короткие луки», вышитые на гобелене, являлись композитными по своей структуре и происходили из Южной Европы. Применять подобные луки могли нанятые Вильгельмом чужеземцы [Nicolle, Gravett, 2006, p. 25]. Изображения конных лучников встречаются в манускриптах Каролингской эпохи. На одной из иллюстраций Золотой Псалтири IX в. из монастыря Св. Галлена изображена группа франкских всадников, одетых в броню, со шпорами на ногах, один или два из которых стреляют из лука по осажденной крепости [Nicolle, Gravett, 2006, p. 25] (Илл. 6).

Историк оружия Павел фон Винклер при рассмотрении изображений ковра из Байё отмечал «могущественное влияние востока на нормандское вооружение», связанное с активными контактами норманнов с мусульманами в Малой Азии²⁹. Д. Николь считает серьезной ошибкой историков вооружения рассматривать Западную Европу в изоляции в то время, когда существовали «значительный технологический контакт» между Каролингской Европой, Византийской

империей, Исламским миром и «степными» культурами «Венгрии, Румынии, Украины и Южной России» «Искушенные в военном деле степные народы» сыграли главную роль в развитии военных технологий, оказавших значительное влияние на Европу [Nicolle, Gravett, 1987, p. 27].

ПРЕЗРЕНИЕ К ЛУКУ.

ТУРКОПОЛЫ И ТУРКОМАНЫ

Почему же традиция применения конных лучников не прижилась в Западной Европе? Большинство исследователей считает, что дело в социальном предрассудке, в соответствии с которым рыцари считали ниже своего достоинства использовать лук на войне и придерживались данного мнения в течение столетий вопреки осознанию очевидного превосходства такого рода оружия [Nicolson, 2003]³⁰.

Норманны и другие крестоносцы по-прежнему делали ставку на массивную атаку тяжелой кавалерии [France, 2000, p. 61]. Для борьбы с сельджуками Боэмунд применял специальный такти-

29 П. фон Винклер. Армия Карла Великого. Зарождение рыцарства. Спб., 1894. Комм., илл. А. Зорич, 2012. URL: http://www.medievalmuseum.ru/04weapon/medieval_weapons_charlemagne.htm (дата обращения: 07.05.2015).

30 Шпаковский В. Чем лук не угодил рыцарям? URL: http://www.pravda.ru/science/useful/02-02-2013/1143090-ritter_luck-3/ (дата обращения: 07.05.2015).

Илл. 7. Конный сержант и туркопол поддерживают атаку рыцаря из Антиохии (1268 г.)
По: Angus McBride © Osprey Publishing

ческий прием, при котором пехота использовалась «исключительно для поддержки кавалерии» [Дуглас, 2003, с. 132]. Тем не менее ни одна армия, действовавшая на Востоке, не смогла бы выжить без конных лучников. Легкая кавалерия, известная как «конные сержанты» существовала в западноевропейских армиях наряду с тяжелой конницей, но специфика боевых действий в Азии против сельджуков поставила перед крестоносцами вопрос о создании нового вида легкой кавалерии, известно-го как **туркополы** [France, 2000, p. 51]³¹.

Туркополы были незаменимы в качестве разведчиков, вестовых, проводников, охранников на марше, преследователей, устроителей засад [France, 2000, p. 114], но на полях сражений, действующие как самостоятельные тактические единицы против сельджукской конницы, тур-

кополы были не просто бесполезны, но даже опасны для собственных войск. Попытка туркополов вступить в перестрелку с противником привела к поражению норманнов у Сармина в 1115 г. и к настоящей катастрофе на Кровавых полях в 1119 г. [France, 2000, p. 97]. Хэrrари считает, что именно после этих двух сражений и неспособности туркополов противостоять давлению сельджукской конницы, туркополы стали атаковать вместе с тяжеловооруженной рыцарской конницей, шедшей в атаку с копьем наперевес [France, 2000, p. 97; 114] (Илл. 7).

Д. Николь считает, что с XI по XIII в. сельджукская конница претерпела значительные изменения. Если первая волна сельджукских конных лучников применяла тактику «рассредоточения и преследования», то в течение двух последующих

31 На данный момент туркополы и все, что с ними связано: происхождение, этническая и конфессиональная принадлежность и т.д. является наиболее спорным вопросом в историографии крестовых походов. По мнению автора, проблема туркополов достаточно полно и удачно раскрывается в специальной работе, посвящённой данному вопросу: [Harrari, 1997, pp. 75–116].

поколений сельджукская конница обратилась к давней традиции конных лучников Среднего Востока: к залповому обстрелу плотными группами, зачастую стоящими на месте [Nicolle, 1994, р. 9], что позволяло сократить количество запасных лошадей и использовать более тяжелое вооружение. Уже с XII в. на пространствах современного Азербайджана и Анатолии профессиональная элита сельджукской конницы отдавала предпочтение копьям, мечам, булавам и дротикам, а не стрельбе из лука. При этом изменения практически не коснулись воинов из тюркских племен, которых принято называть **туркоманами** [Nicolle, 1994, р. 9]. Николь предполагает, что изменения в тактике сельджукской конницы произошли в конце XI в. и стали следствием столкновений с крестоносцами во время первого крестового похода. Чтобы сохранить эффективность этой тактики в борьбе против тяжеловооруженной «франкской» конницы требовался высокий уровень тренированности, осознание морального превосходства и бесперебойное снабжение войск всем необходимым, в особенности стрелами. Получается, что успех первого крестового похода был следствием не столько превосходства европейского вооружения и тактики, сколько военным упадком раздробленных сельджукских формирований [Nicolle, 1994, р. 27–28].

РУКОВОДСТВО ПО СТРЕЛЬБЕ И НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

М. Шатцмиллер [Shatzmiller, 1992, pp. 247–288] отмечает полное отсутствие в созданных до эпохи крестовых походов мусульманских сочинениях о военном искусстве какого-либо упоминания о тактике тюркских конных лучников [Shatzmiller, 1992, р. 261]. Но уже в XII в. появляются военные трактаты, созданные по заказу правителей Айюбидской династии, где обобщается многолетний опыт борьбы с крестоносцами и немало места уделяется руководству по обучению стрельбе из лука. В их числе можно назвать труд Мурды ибн

Али Марди ал-Таруси «**Ал-Табсира**», написанный между 1187 и 1192 гг. [Cahen, 1947–1948, pp. 103–163; Boudot-Lamotte, 1970, pp. 47–68].

В главе «Упоминания о превосходстве стрельбы из лука и стрелами» Мурда подробно рассматривает традиции стрельбы из лука; его происхождение; различные типы; девять неотъемлемых качеств стрелка; положение его туловища, головы, ног; мысленный настрой; различные этапы обучения стрельбе, включая пятнадцать техник стрельбы, в том числе шесть техник в нетрадиционных условиях: стрельба с неподвижно стоящей лошади; с несущейся галопом и рысью; стрельба из положения лежа на спине лошади; стрельба из максимально натянутого лука; стрельба из двух луков одновременно; стрельба сидя; различные техники хвата лука; стрельба по движущемуся и по стоящему на месте всаднику; стрельба по всаднику с копьем и по всаднику с мечом и множество прочих деталей [Boudot-Lamotte, 1997, pp. 795–803]³². Шатцмиллер предполагает, что трактат Мурды является попыткой записать существующую давнюю и богатую устную традицию отлично зарекомендовавшей себя системы обучения стрельбы из лука. По ее мнению автор исходил из современных ему военных реалий и все вышеизложенные инструкции предназначались конному лучнику, тюрку.

На вопрос, почему в написании руководств среди прочих военных дисциплин стрельба из лука выходит на первый план, Шатцмиллер отвечает, что это искусство было более развито и пользовалось популярностью как один из видов спорта [Shatzmiller, 1992, р. 263]. В данном случае объяснение, данное Николь, выглядит более убедительным: военная необходимость борьбы с крестоносцами привела к введению тактики залповой стрельбы по площадям большими группами конных лучников, что в свою очередь обеспечивал высокий уровень тренированности последних.

Подобную мысль высказывают в своих исследованиях и другие ученые. Специалист в области изучения истории мусульманских лучников

32 Ammatucci G. Storia dell'Arcieria Islamica: i Trattati. *Arcosofia*. 2006. No. 4. URL: http://www.arcosofia.net/database/N4/storia_amatuccio3.htm (дата обращения: 29.11.2013).

Д. Аматуччи рассматривает конных сельджукских лучников как представителей кочевых народов Евразии, с раннего возраста обучавшихся искусству верховой езды и стрельбы из лука. Однако в военном контексте без должной дисциплины и организации эти навыки оставались на довольно примитивном уровне. По этой причине, а также благодаря тяжелому вооружению и тактике рыцарей, во время первого крестового похода удалось одержать верх над сельджукскими ордами. Но это преимущество будет длиться недолго, пока присущий тюркам способ сражения не получил развитие в наиболее эффективных и передовых военно-политических системах, созданных Саладином и мамлюками Египта³³.

По мнению Аматуччи, поединок между тяжеловооруженной рыцарской конницей и тюркскими конными лучниками продолжался в течение двух столетий и закончился с падением Акры в 1291 г. и полным изгнанием крестоносцев из Святой земли. В числе главных военных причин поражения христиан в этом противостоянии Аматуччи называет полное отсутствие знаний о Востоке и слепую веру в превосходство тяжелой кавалерии, что привело к недооценке эффективности мусульманских лучников³⁴.

Исследование Аматуччи подтверждает, что традиция использования конных лучников была привнесена в исламский мир именно тюрками, поскольку данная традиция получила развитие только на Ближнем Востоке. Арабы Испании со временем сделали выбор в пользу арбалета. Мусульмане Сицилии под владычеством норманнов сохранили верность традиции стрельбы из арабского лука и на протяжении трех столетий служили норманнам, швабам и анжуйцам в качестве пеших лучников³⁵.

Таким образом, и у норманнов и у сельджуков существовали предпочтения в выборе и применении определенного вида оружия, обусловленные, прежде всего этнокультурными и социальными предпосылками. Не удивительно, что мы находим указания на это у византийских и латинских авторов XI–XII вв.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Анна Комнина. *Алексиада*. СПб.: Алетея, 1996. — 704 с. [Anna Komnin. *Alexiada*. SPb: Aleteia, 1996. — 704 p. (in Russian)].

Гусейнов Р. А. Сельджукская военная организация. *Палестинский сборник*. № 17(80). Л.: Наука, 1967. С. 131–147 [Guseinov R. A. Seljuk Military Organization. *The Palestine Collection*. Leningrad: Nauka, 1967. Pp. 131–147 (in Russian)].

Дуглас Д. Ч. *Норманны: от завоеваний к достижениям. 1050–1100 гг.* Пер. с англ. Е. С. Марничиной. СПб: Евразия, 2003. — 416 с. [Douglas D. Ch. *Normans: From Conquest to Achievement*. Tr. By E. S. Marnitskaya. Saint Petersburg: Eurasia, 2003. — 416 p. (in Russian)].

Запорожец В. М. *Сельджуки*. М.: Воениздат, 2011. — 297 с. [Zaporozhets V. M. *The Seljuks*. Moscow: Voenizdat, 2011. — 297 p. (in Russian)].

Заходер Б. Н. *Средиземноморье и Ближний Восток в раннее средневековье*. Курс лекций, читанных в МГУ. Вып. 1. М.: Изд-во МГУ, 1940 (литогр.) [Zakhoder B. N. *The Mediterranean and the Middle East*. Iss. 1. Moscow: MSU Publishers, 1940 (lithograph) (in Russian)].

Микульский Д. В. Арабы и византийцы в арабо-мусульманских династийных хрониках:

33 Ammatucci G. Storia dell'Arcieria Islamica: i Trattati. *Arcosofia*. No. 2, 2005. URL: http://www.arcosophia.net/database/N2/storia_amatuccio1.htm (дата обращения: 29.11.2013).

34 Ammatucci G. Storia dell'Arcieria Islamica: i Trattati. *Arcosofia*. No. 3, 2005. URL: http://www.arcosophia.net/database/N3/storia_amatuccio2.htm (дата обращения: 30.11.2013). Аматуччи ссылается на христианские трактаты XIII–XIV вв., в которых рассматривались различные способы отвоевания Святой земли. В 1309 г. Раймонд Луллий предлагал комплектовать армии крестоносцев лучниками-христианами для борьбы с мусульманской легкой кавалерией. В 1291 г. францисканец Фиденцио из Падуи предложил не только набирать в экспедицию на Восток лучников и арбалетчиков в большем количестве, но и обучать поголовно всех христианских солдат вплоть до рыцарей стрельбе из лука.

35 Ammatucci G. Storia dell'Arcieria Islamica: i Trattati. *Arcosofia*. No. 2, 2005. URL: http://www.arcosophia.net/database/N2/storia_amatuccio1.htm (дата обращения: 29.11.2013).

принципы восприятия «чужого». *Восточный курьер*. 2020. № 1–2. С. 119–125 [Mikulsky D. V. Arabs and Byzantines in the Arab-Muslim Dynasty Chronicles: Principles of The Alien's Perception. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier*. 2020. No. 1–2. Pp. 119–125 (in Russian)].

Михаил Пселл. *Хронография*. М.: Наука, 1978. — 320 с. [Michael Psell. *Chronography*. Moscow: Nauka, 1978. — 320 p. (in Russian)].

Никифор Вриенний. *Исторические записки* (976–1087). М.: Посев, 1997. — 208 с. [Nicephorus Briennius. *Historical Notes*. Moscow: Posev, 1997. — 208 p. (in Russian)].

Николле Д., МакБрайд А. *Армии мусульманского Востока VII–XI века*. М.: АСТ, 2004. — 61 с. [Nicolle D., McBride A. *Armies of the Muslim East of the 7th–11th Centuries*. Moscow, 2004 (in Russian). — 61 p.]

Перну Р. *Крестоносцы*. Пер. с фр. А. Ю. Карачинского и Ю. П. Малинина. СПб: Евразия, 2001. — 340 с. [Pernoud R. *Les hommes de la croisade*. Tr. from French by A. Yu. Karachinsky and Yu. P. Malinin. Saint Petersburg, 2001. — 340 p. (in Russian)].

Прудников В. В. Кто отнял у арабов Сицилию? Термины для обозначения социальных общностей у норманнов в хронике Гауфреда Малатерры (конец XI в.). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 2. С. 218–231 [Prudnikov V. V. Who Took Sicily from the Arabs? Norman Terms, Denoting Social Communities, in the Chronicle of Gottfried Malaterra (Late 11th Century). *Vestnik Instituta Vostokovedeniia RAN*. 2020. No. 2. Pp. 218–231 (in Russian)].

Садр ад-Дин Али ал-Хусайни. *Ахбар ад-Даулат ас-седжукийя*. Пер. З. М. Бунятова. М.: Восточная литература, 1980. — 528 с. [Sadr ad-Din Ali al-Husayni. *Akhbar ad-Daulat as-sejukiyya*. Tr. by Z. M. Bunyatov. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1980. — 528 p. (in Russian)].

Усама ибн Мункыз. *Книга назидания*. Пер. Ю. И. Крачковского. М.: Восточная литература, 1958. — 330 с. [Osama ibn Munkyz. *Book of Edification*. Tr. By Yu. I. Krachkovsky. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1958. — 330 p. (in Russian)].

Хазанов А. М. *Кочевники и внешний мир*. Алматы: Дайк-пресс, 2002. — 604 с. [Khazanov A. M. *Nomads and the Outside World*. Almaty: Daik-Press, 2002. — 604 p. (in Russian)].

Balivet M. Normands et Turcs en Méditerranée médiévale: deux adversaires “symétriques”? M. Balivet. *Turcica*. Vol. 30. 1998. Pp. 309–329.

Bennett M. The Myth of the Military Supremacy of Knightly Cavalry. J. France (Ed.). *Medieval Warfare 1000–1300*. Aldershot: Ashgate, 2006. Pp. 171–184.

Birkenmeier J. *The Development of the Komnenian Army: 1081–1180*. Leiden, Boston: Brill, 2002. — 266 p.

Bowlus C. R. Tactical and Strategic Weaknesses of Horse Archers on the Eve of the First Crusade. M. Balard (Ed.). *Autour de la Première Croisade*. P., 1996. Pp. 159–166.

Boudot-Lamotte A. Contribution à l'étude de l'archerie musulmane. *Arabica*. T. 17. 1970. Pp. 47–68.

Boudot-Lamotte A. Kaws. *The Encyclopedia of Islam*. Vol. IV. Leiden: E.J. Brill, 1997. Pp. 795–803.

Cahen C. Un traité d'Armurerie composé pour Saladin. *Bulletin d'Etudes Orientales*. T. XII. Damascus: Institut Francais De Damas, 1947–1948. Pp. 103–163.

France J. Crusading Warfare and Its Adaptation to Eastern Conditions in Twelfth Century. *Mediterranean Historical Review*. 2000. № 15. Pp. 49–66.

Flori J. Encore l'usage de la lance... La technique du combat chevaleresque vers 1100. *Cahiers de Civilizations Médiévales*. 1988. No. 31. Pp. 213–240.

Fulcheri Carnotensis. *Historia Hierosolymitana: 1095–1127: Mit Erläuterungen und einem Anhang*. Heidelberg: Carl Winter, 1913.

Guiberti abbatte monasterii Sanctae Mariae Novigenti. *Historia quae dicitur Gesta Dei per Francos. Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux*. T. 4. P.: Imprimerie royale, 1879. Pp. 113–221.

Guillaumus Tyrensus Archiepiscopus. *Historia rerum in partibus transmarinis gestarum. Patrologiae Cursus Completus. Series Latina*. Migne J. P. (Ed.) T. 201. P.: Garnier Frères, 1855. Pp. 209–892.

Hatto A. T. Archery and Chivalry: A Noble Prejudice. *Modern Language Review*. 1940, No. 35. Pp. 40–54.

Kaegi W. E. The Contribution of Archery to the Turkish Conquest of Anatolia. *Speculum*. Vol. 39. 1964, No. 1. Pp. 96–108.

Harrari Y. The Military Role of Frankish Turcoples: A Reassessment. *Mediterranean Historical Review*. 1997. No. 12:1. Pp. 75–116.

Histoire anonyme de la première croisade, texte établi et traduit par L. Brehier. P.: Les Belles Lettres, 1924. — 156 p.

Nicolle D., McBride A. *The Normans*. Elite series. Vol. 9. L.: Osprey Publishing, 1987. — 65 p.

Nicolle D., Gravett C. *The Normans: Warrior Knights and Their Castles*. L.: Osprey Publishing, 2006. — 256 p.

Nicolle D., McBride A. *Attila and the Nomad Hordes: Warfare on the Eurasian Steppes 4th–12th Centuries*. Vol. 30. L.: Osprey Publishing, 1990. — 65 p.

Nicolle D. *Saracen فارس 1050–1250*. C. Hook (Ed.). Warrior series. Vol. 10. L.: Osprey Publishing, 1994. — 65 p.

Nicolle D. *The Military Technology of Classical Islam*. Vol. 2. Edington: University of Edingburgh, 1982. — 521 p.

Nicolson H. *Medieval Warfare: theory and practice of war in Europe 300–1500*. L.: Red Globe Press, 2003. — 256 p.

Paterson W. F. The Archers of Islam. *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. Vol. 9. 1966. No. ½. Pp. 69–87.

Robert the Monk's History of the First Crusade: Historia Iherosolimitana. Trans. by C. Sweetenham. Farnham: Ashgate, 2005. — 243 p.

Shatzmiller M. The Crusades and Islamic Warfare — a Re-evaluation. *Der Islam*. Vol. 69. Iss. 2. Hamburg, 1992. Pp. 247–288.

Smaile R. C. *Crusading Warfare 1097–1193*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. — 276 p.

Sourdel D., Bosworth C. E., Inalcik H. «Ghulām». *The Encyclopedia of Islam. New edition*. Vol. II. Leiden: E. J. Brill, 1991. Pp. 1079–1091.

The Chanson D'Antioche: An Old-French Account of the First Crusade. L.: Ashgate Publishing, Ltd., 2013. — 428 p.

Tudebod P. *Historia de Hierosolymitano Itinere. Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux*. T. 3. P.: Imprimerie royale, 1866. Pp. 1–119.

Tsurtsunia M. Couched Lance and Mounted Shock Combat in the East: The Georgian Experience. *Journal of Medieval Military History*. Vol. XII. Woodbridge, 2014. Pp. 81–108.

Vandeburie J. The Fatimid Failure against the Crusaders at the End of the First Crusade. *Carnival*. 2010. Vol. 12. Pp. 68–90.

Vergili Maronis Opera. John Conington (Ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1895. — 562 p.

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ / ELECTRONIC SOURCES

Винклер П. фон. *Армия Карла Великого. Зарождение рыцарства*. Спб., 1894. Комм., илл. А. Зорич. 2012 [Winkler P. von. *Charlemagne's Army. The Origins of Chivalry*. Saint Petersburg, 1894. Comm. & ill. by A. Zorich. 2012 (in Russian)] URL: http://www.medievalmuseum.ru/04weapon/medieval_weapons_charlemagne.htm (дата обращения: 07.05.2015).

Шпаковский В. *Чем лук не угодил рыцарям?* [Shpakovsky V. *Why Didn't the Bow Please the Knights?* (in Russian)] URL: http://www.prawda.ru/science/useful/02-02-2013/1143090-ritter_luck-3/ (дата обращения: 07.05.2015).

Ammatucci G. *Storia dell'Arcieria Islamica: i Trattati. Arcosofia*. No. 2, 2005. URL: http://www.arcosofia.net/database/N2/storia_amatuccio1.htm (дата обращения: 29.11.2013).

Ammatucci G. *Storia dell'Arcieria Islamica: i Trattati. Arcosofia*. No. 3, 2005. URL: http://www.arcosofia.net/database/N3/storia_amatuccio2.htm (дата обращения: 30.11.2013).

Ammatucci G. *Storia dell'Arcieria Islamica: i Trattati. Arcosofia*. No. 4, 2006. URL: http://www.arcosofia.net/database/N4/storia_amatuccio3.htm (дата обращения: 29.11.2013).

